

тех, которые создают церкви и монастыри на награбленное лихими путями имение.

По вопросу о спасительности церковного поминовения усопших душ у нас также имелась сравнительно обширная литература.

Отмечу «Иоанна Златоустаго поучение от Филиппийския епистолия, въ ней же кажесть умръшнимъ пользу сущю в память» (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ. Ф. п. I, 46, Златоструй XII века, л. 165—166), слово Златоуста «о благопохвалении умръшнихъ дѣля» (*ibid.*, л. 155 в.—155 д.), популярное у нас в старину слово Иоанна Дамаскина (?) «о иже в вѣрѣ усопшихъ, яко яже о нихъ бываемыя службы и благотворения пользуетъ ихъ», известное по целому ряду списков, в частности XV века.¹

В этом последнем слове, между прочим, читаем: «... сие хоцеть милостивыи и любить, яко да другъ от друга благодарѣтельствуемси, и живущии, и по смерти. Не бы бо намъ вину даль еже памяти творите на бескровнѣй жертвѣ предварившемъ, — и паки третины и девятины и четьредесятины и лѣтныя памяти и службы, яже кромѣ всякого прекословия соборная и апостольская его церковь (л. 42) непоколебимо держитъ и неззорно» (Сборник, М., 1647, л. 31—42).

Эта же тема обработана в целом ряде патеричных сказаний — ниже мы познакомимся с ними.

Вообще в тематическом отношении повесть о Шциле теснейшим образом связана с существовавшей литературной традицией и не выходит за ее пределы.

Этот вывод, который мы извлекаем из непосредственного анализа идейного содержания повести, дает нам право предположить, что своим возникновением повесть обязана каким-то определенным историческим условиям.

Обработка избитой темы — дело мало благодарное и во всяком случае рискованное, — учитывая это, авторы обычно ищут свежих, актуальных тем, и берутся за традиционную тему только в том случае, если последняя в силу тех или иных конкретных исторических обстоятельств вновь становится и живой и интересной. Наша ближайшая задача, таким образом,

¹ См. «Описание славянских рукоп. библ. Свято-Троицкой Сергиевской лавры», ч. I, М., 1878, с. 158; ч. III, М., 1879, с. 155 и 158.